

КАК СКАЗАЛ ЛОПАХИН В "ТРЕХ СЕСТРАХ"

Кто это выдумал, что **Чехов** — певец чего-то там, пусть даже и сумерек, да еще в придачу тонкий лирик? Ничего подобного. На самом-то деле Чехов — писатель жесткий, зачастую глумливый вплоть до макабра, но прежде всего абсурдист, обзиратель и прочие постмодернисты ему не годятся и в подметки. С чего я это взяла? А в телезеркале, магию которого уже никто, кажется, преодолеть не в силах, все больше такое отражение Антона Павловича является.

Видали, к примеру, по телеку, как МХАТ имени Чехова гулял на своем столетии? Вот это полный "ут консекутивум" (словечко учителя Кулыгина в "Трех сестрах")! Водка лилась рекой, и не нашлось никого, кто бы сказал **Олегу Ефремову** хотя бы словами Сони Астров: "Нет, прошу вас, умоляю, не пейте больше... Это так не идет к вам!.. Зачем же, зачем вы разрушаете самого себя?"

Тем временем, продолжая приветствовать юбиляров, кто-то так и руганул: "И как сказал Лопухин в "Трех сестрах". То ли в капустнический тон хотел гость с ходу попасть, то ли высокую степень собственной малообразованности спешил продемонстрировать. "Если бы знать, если бы знать!" Вот это уж точно фраза из чеховской пьесы о сестрах Прозоровых.

Чем дальше, тем больше становилось непонятно, кого, собственно, чувствуют: Антона ли Павловича, которому с утра открыли памятник на Камергерском, а может, Олега Николаевича, стариков ли основателей **Константина Сергеевича** с **Владимиром Ивановичем**, либо нынешних "художественников"... И впрямь ли чувствуют? Ведь сквозная идея действия, педалируемая ведшим вечер худруком коллектива, ближе к двум часам ночи была осознана телезрителем как перманентный кризис театра во все времена. Не исключение, мол, и нынешний период. Так с чего тогда эту тусовку на всю страну было по ОРТ показывать? Прямо реникса какая-то. Это все тот же Кулыгин Чебутыкину втолковывает: "В какой-то семинарии учитель написал на сочинении "чепуха", а ученик прочел "реникса" — думал, что по-латыни написано... Смешно удивительно".

Кинокапустник, подготовленный служителями десятой музы в честь мхатовского торжества, весьма остроумный, следует заметить, предвещая **Сергей Соловьев**. Гость не случайный, как никак поставил "Чайку" в губенковской "Таганке", экранизировал "Трех сестер", которых удалось как-то посмотреть по ТВ. Экранизация в некотором смысле показательная.

В памяти остались "шепот, робкое дыханье", в которых не разобрать ни слова драматурга, да вихрь, несущий ворох осенних листьев через анфиладу пустых комнат прозоровского дома, да

женские шляпы, шляпки, шляпочки, совсем как в "Джульетте и духах" **Феллини**... Соловьевские "Три сестры" — яркий образец примата, превосходства визуального, видимого глазом над словесным, произносимым, слышимым. Полновесный пример вытеснения, подавления картинкой, изображением логоса — слова и смысла, когда зрительный ряд для того именно существует, чтобы заменять ряд литературный, вербальный, сам собой язык, по сути же мы наблюдаем стремление отменить за ненадобностью в видеомире осмысленную человеческую речь. И вовсе не спасают положение помещаемые в кадре-виньетке изречения, в том числе высказывание **Солженицына** из "Архипелага ГУЛАГ": "Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать — тридцать — сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие..., ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом".

Конечно же, Чехова заботили проблемы оскудения, вырождения применительно к России, особенно заметные на рубеже двух веков; автора же труда "Вырождение", весьма популярного в те годы в России, немца **Макса Нордхау** русский писатель даже поминает в какой-то повести. И вольно в постсоветскую пору трактователям русской классики проецировать чеховские лица вперед, в страну, охваченную революцией и гражданской войной, когда, согласно частушке того времени, сама Божья мать пошла на панель. Но, право же, должны быть в конце концов и пределы безудержной свободе интерпретаций. Теплопоказ совместной российско-американской киноверсии все тех же "Трех сестер" под названием "Если бы знать..." состоящая глубокой июньской ночью нынешнего года, а все нейдет из памяти. Чего не привелось повидать за десятилетие "чеховского бума" в исполнении отечественных и зарубежных трупп, но картина "Если бы знать..." затмевает все. Вот уж где бред и абсурд, выдаваемые исключительно за русский бред и абсурд! Такое впечатление, будто слетели со всего света вимпирь на давно ожидаемые похороны.

Текст порой вроде и чеховский, но ситуации, но образы... Это ж просто образы какие-то нравственные, моральные монстры, вырожденцы эпохи упадка Древнего Рима. Старшая сестра Ольга (директриса гимназии между прочим) с упоением отдается на природе ученику, а в сам момент набегает его одноклассники и того же себе от начальницы требуют. Маша, милая Маша после сцены секса с Вершининым, задирая длинную юбку, выделывает ножками нечто несусветное, то ли канкан отплясывает, то ли примеривается к стриптизу. Здесь же, в ресторане, разположенной чуть ли не в доме Прозоровых, некто, нося-

щий фамилию Солений, добивается гомосексуальных отношений от молодого мужчины по фамилии Тузенбах. Когда же предложение не проходит, выстрелом в упор убивает своего визави, да так картинно, по-киношному, что тот, словно какой-нибудь ковбой в салуне, вмазывается физиономией в стол. А что откалывают Ирина и Чебутыкин, тому вовсе нет названия. И все это скопище блудодеев, кажется, собралось эмигрировать из этой варварской России куда-нибудь подальше, к более цивилизованным берегам.

На такие вот случаи, полагаю, и нужна цензура, защищающая классическое наследие и публику от травмирующего воздействия деятелей, изображавших, что нынче наконец-то все позволено.

Чехов вовсе не моралист, никому не читает нотаций, но его герои тем и симпатичны, тем и трагоют, что способны на муки совести, самоосуждение и раскаяние. Как дядя Ваня тоскует и страдает после неудачного выстрела в Серебрякова: "Стыдно! Если бы ты знал, как мне стыдно! Это острое чувство стыда не может сравниться ни с каким болью".

Совсем недавно по каналу "Культура" показали киноверсию американского спектакля "Ваня на 42-й улице" (режиссер **Луи Малль**). Чеховская пьеса "Дядя Ваня" чуть-чуть переименована, осовременена. Но сыграна замечательно, умно и чутко, с глубоким пониманием психологии героев и авторского тона. Что-то новое, неведомое прежде в знакомых ситуациях и персонажах приоткрыли нам иностранные актеры, хотя новомодных неотрефлексированных, психоаналитических подходов к материалу остереглись.

Вот только с русским текстом явно что-то было не в порядке. Еще впервые знакомясь с телеспектаклем, поразилась: вместо "некрасивая" в реплике Сони переводчица сказала "прямолинейная", а знаменитое "Мы отдохнем!" прозвучало как "Мы будем отдыхать!" Так что на этот просмотр заранее вооружилась томиком Чехова и слыхала звучащий текст перевода с оригиналом. О Боже! Фирма "Селена интернешнл", вместо того чтобы воспользоваться при дублировании классическим оригиналом, перевела английский текст на русский заново, даже не потрудившись взглянуть в пьесу: как там у Чехова сказано? Естественно, при этом в эфир были выданы и вышеприведенные перлы, и многие-многие другие. Чем не абсурдистский, постмодернистский сюжет бытования современной отечественной культуры? А что денег-то за этот самый обратный перевод удалцами из фирмы было получено... Бедный Чехов!

Но, как говорил Лопухин о себе в комедии "Вишневый сад": "Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобратся, то мужик мужиком... Читал вот книгу и ничего не понял".

На этом, как сказал тот же Лопухин, но уже купивший и вишневый сад, и усадьбу, "до свидания!". Встретимся как-нибудь у телевизора.

Татьяна СЕРГЕЕВА.